

Петрова Э.Б. МЫСЛИТЕЛИ ПАНТИКАПЕЯ

В начале XX столетия Б.В. Варнеке в статье, посвященной культурной жизни эллинских городов юга России, констатировал: "...для ученой и литературной деятельности тогда еще вовсе не было надлежавшей почвы в таких местах вывозной торговли, которыми тогда служили, прежде всего, греческие поселения на берегах Черного моря" [1]. Ныне мы не можем разделить скепсис высокоуважаемого ученого: разнообразные источники свидетельствуют о высоком уровне умственной жизни в античных центрах Северного Причерноморья, где большое внимание уделялось образованию граждан, где были школы разных ступеней, включая такие, в которых изучались риторика и, не исключено, философия, где жили и создавали замечательные люди. Кое-кто имел возможность получить образование за границей, слушать известных в греческом мире ораторов и мудрецов. Некоторые сами становились учителями риторики и философии, одни - на родине, другие - за ее пределами. Среди этих людей были не только чистые эллины, но и полукровки и даже эллинизированные варвары. Тесные экономические и политические связи со многими греческими центрами (особенно малоазийскими и Афинами) позволяли жителям окраины общаться с незаурядными людьми, слушать их речи, беседовать, спорить. Знакомиться с новыми течениями в духовной жизни Эллады можно было также благодаря чтению поступающих оттуда книг. Время сохранило память об уроженцах Северного Понта, получивших образование на родине, но нашедших применение своим дарованиям вдали от нее, а также о тех, кто до последних своих дней жил на родине, добился успеха, славы и почета у сограждан. Они удостоивались почетных декретов, выставившихся на всеобщее обозрение в самых людных и святых местах, на их надгробиях поэты писали полные тепла и грусти, глубокого уважения и преклонения стихи. Это были люди интеллигентных профессий - деятели литературы, науки, учителя, врачи, юристы, архитекторы, скульпторы, живописцы.

Большинство колоний в Причерноморье вывели ионийцы, в первую очередь жители Милета. В эпоху архаики умственная жизнь в городах западного побережья Малой Азии и близлежащих островов была ключом. В ионийских центрах процветало творчество поэтов-лириков, первых прозаиков-логографов, Милет (и вообще Иония) славился философскими школами, возникшими на рубеже VII - VI вв. до Р.Х. и совпавшими с Великой греческой колонизацией. Принесенное оттуда и подпитываемое связями с Афинами и другими городами любознательность овладело душами ионийцев в Ольвии, Пантикапее, иных центрах, как результат - целая плеяда профессиональных философов, ораторов, историков, просто поклонников различных философских школ, любителей истории, литературы.

Поначалу первопоселенцы, занятые благоустройством на новых землях, не имели возможности и времени всерьез заниматься проблемами мироздания, но наверняка были в курсе научных и культурных достижений своих современников на покинутой ими родине, следили за новинками. Особый интерес в ту пору вызывали мифы, в задачу которых входило рассказать не только о чудесном, сверхъестественном, но и по-своему объяснить мир, связать пришельцев с осваиваемыми землями и их обитателями. Мифология в какой-то мере заменяла философию и историю. Особый интерес проявляли к охранительным функциям богов и тем философским учениям, которые были тесно связаны с мифологией и религией [2]. Первые мыслители, чьи имена донесли до нас литературная традиция, были личностями легендарными или полуполуполулегендарными и не эллинами. Мудрецами и слугами Аполлона названы античными авторами Абарис и Аристей - выходцы из страны гипербореев. Если Абарис - чародей и олицетворение самого божества, то просто идеализированным мудрецом варварского происхождения выглядит Анахарсис (то же можно сказать о Токсариде Лукиана). На более твердую почву исторических фактов мы вступаем с того времени в жизни северопонтийских греков, когда их апойки из небольших поселков выросли в города, налажился быт, оформились гражданские коллективы полисов. Мифические рассказы должны были уступить место более глубоким мыслям и рассуждениям. Важную роль в этом сыграли экономические и политические связи колонистов с культурными центрами Эллады. Оказавшись в Афинах и других значительных городах, жители далекой периферии не удовлетворялись лишь решением деловых вопросов, но стремились как можно больше услышать, увидеть, узнать. Достаточно назвать имя великого оратора и политика Демосфена, которого выходцы из Северного Понта могли слушать в Афинах; вероятно, он бывал и на Боспоре, не исключено, имел там родственников. Это значит, что боспоряне учились мастерству красноречия у лучшего из лучших профессиональных ораторов. Красноречие же у греков было тесно связано с любознательностью.

В IV в. до Р.Х. греческая философия и риторика процветали, что не могло не сказаться на повышенном интересе к этим предметам на периферии Эллады. Взлет культуры в северопричерноморских государствах этого времени стимулировался и общим подъемом их экономики, расширением разнообразных связей с соседними и отдаленными районами, ростом авторитета на международной арене. Возможно, именно тогда в городах Северного Причерноморья появились собственные философские и риторические школы, дававшие своего рода высшее образование, готовившие молодых людей к общественной жизни, обучавшие красноречию и наукам. В IV - III вв. жили и пропагандировали свои учения первые известные нам из источников профессиональные философы из Северного Причерноморья. Среди них немало боспорян и особенно пантикапейцев - жителей столицы самого крупного на далекой северо-восточной периферии античного мира государства.

Боспорский мыслитель второй половины IV в. **Дифил**, сын Евфанта, числился учеником Стильпона, а после, надо полагать, и сам проповедовал учение мегариков на родине и в других местах (Диоген Лаэрт. II. 11. 113 - 114). Другой боспорский мыслитель этого времени - **Смикр** - был популяризатором философских учений. Стихотворная метрическая надпись на его надгробном памятнике из Пантикапея звучит следующим образом: "Это памятник Смикра, который велик был (внушаемым к себе) доверием и у которого справедливость внедрена была в уме природою от рождения. Его воспитали музы, и он учил на путях (дорог) и дал согражданам наилучший образ мыслей" (КБН. 118). Человек незаурядных умственных способностей (воспитанник муз), наш философ в духе Сократа и софистов делился своими мыслями там, где обычно собиралось много людей - на перекрестках дорог. Мы не знаем, к какой философской школе тяготел Смикр, но из текста надписи следует, что его учение было доступным, ясным, касалось не отвлеченных тем, а вопросов общественного бытия, духовного мира человека, счастья, добра и зла, справедливости.

Философа-стоика **Сфера Боспорского** (ок. 281 - после 221 г.) Диоген Лаэртский (VII. 6. 177) ставит в ряд тех учеников основателя стоической школы в Афинах Зенона Китийского, которые пользовались известностью, и говорит о его больших успехах в науках. Плутарх (Клеомен. XXIII [II]) называет его одним из самых способных учеников Зенона. После смерти учителя Сфер стал слушателем последователя Зенона Клеанфа, а после и сам учил философии в Афинах [3]. Сфера увлекали не только академические изыскания, но и жизнь практическая, что было в духе пропаганды стоиков заниматься активной общественной и государственной деятельностью. В практических делах огромную помощь оказала Сфере хорошая теоретическая подготовка: знание учений философов прошлого и своих современников, особенно взглядов Зенона на существо космоса, его рассуждений о разуме, добродетели, благе и зле; он проникся идеями космополитизма стоиков, их любовью к ближним и ко всему человечеству. Видимо, надолго наш философ связал свою жизнь со Спартой, куда прибыл в середине 40-х гг. III в. и где стал учителем мудрости для юношей. Среди его учеников оказался будущий спартанский царь Клеомен III. Еще до прихода к власти Клеомен сформировался как личность под сильным влиянием Сфера, который развил в нем честолюбие, и стал человеком, "...искусным в общении, способным к ведению государственных дел" (Полибий. V. 39. 6). Из рассказа Плутарха следует, что в правление Клеомена (235 - 222 гг.) Сфер выступал в роли наставника и советника царя-реформатора, мечтавшего о возрождении спартанской гегемонии в условиях затянувшегося кризиса спартанского общества и государства. Философ стал его правой рукой в деле реорганизации общественной системы воспитания юношества в соответствии со старыми порядками (телесные упражнения, общие трапезы и пр.). Для того чтобы достичь успеха, Сферу понадобилось глубоко изучить историю Спартанского государства, его сильные и слабые стороны, всесторонне продумать программу преобразования лаконского общества в новых условиях. О его студиях свидетельствуют названия сочинений, приведенных Диогеном: "О спартанском государственном устройстве", "О Ликурге и Сократе", впрочем, и другие произведения Сфера могли затрагивать лаконские темы. Кажется, спартанский период жизни философа был достаточно длительным, и его труды не прошли даром: Спарта вновь подняла голову, усилилась ее военная мощь, возросло влияние в Пелопоннесе.

Немаловажным событием в биографии Сфера было его посещение Александрии Египетской, где он находился при царском дворе и вел научные беседы. Возможно, он осуществил две таких поездки. В первый раз оказался там по поручению своего учителя Клеанфа (Диоген Лаэрт. VII. 7. 185). Это могло быть еще до его пребывания в Спарте, в правление или Птолемея II Филадельфа или сменившего его на троне в 246 г. Птолемея III Эвергета. Вторая поездка состоялась не ранее 221 г. (когда Птолемей Филадельф вступил на престол) и по причине пребывания в то время в Египте Клеомена (Диоген Лаэрт. VII. 6. 177). Вероятнее всего, Сфер хотел помочь своему ученику в трудное для него время, посоветовать, как действовать в дальнейшем. Тем более, что при дворе Птолемея философа уже знали. Увы, помочь Клеомену не удалось - заподозренный в заговоре, он покончил с собой; надо полагать, что после смерти Клеомена Сфер не задержался долго в Египте, а вскоре и умер. Нашему философу довелось беседовать с Птолемеем IV Филадельфом, и он победил царя в споре, доказав, что мудрец не подвержен ложным мнениям; он парировал некоему Мнесистрату, пытавшемуся дискредитировать Сфера, якобы говорившего, что Птолемей не царь, следующим образом: "Если Птолемей таков, каков он есть (то есть мудрец? - *авт.*), то он царь" (Диоген Лаэрт. VII. 6. 177). Ответы Сфера соответствуют представлениям стоиков: познания мудреца истинны; правитель - всегда мудрец.

Сфер - автор многих книг, которые до нас не дошли, но из перечня их наименований у Диогена ясно, что круг его научных интересов был широк (VII. 6. 178). Здесь и проблемы физиологии человека, и диалектика, логика; его увлекали вопросы этики и политики, отсюда такие труды, как: "О построении этики", "О надлежащем", "О побуждении", "О страстях", "О царской власти", "О законе", "О богатстве", "О славе"; не чужд он и языковедческим тем, любил также углубиться в историю философии. Все это выдает в нашем авторе серьезного, многогранного мыслителя. Перед нами одаренный и деятельный человек, внесший свою лепту в развитие античной философской и политической мысли. Сфер - один из тех, кого потомки причисляли "...к прежним великим людям" (КБН. 145). Его можно поставить в ряд с такими выдающимися мыслителями, как Бион и Посидоний из Ольвии, историки Аноним Боспорский и Сириск Херсонесский.

Эпиграфические памятники донесли до нас имена сведущих в философии боспорян, живших в более позднее время. Краткий, но содержательный и душевный рассказ о **Саббине**, сыне Стефана, содержит

стихотворная эпитафия II в. до Р.Х. из Пантикапея (КБН. 146). Его преждевременная смерть стала "...предметом скорби для матери и печали для отца". Все, кто знал покойного, считали его человеком доблести, восхищались добрым нравом и умом. Автор надписи восклицает: "Музы, прежде услаждавшие тебя среди нас, теперь плачут над тобой, несчастный". Свиток в руке изображенного на стеле покойного и упоминание муз свидетельствуют о роде занятий этого человека: он мог быть грамматиком, занимался языкознанием и комментировал литературные тексты, возможно, преподавал грамматику. Род его занятий предполагает, что он был сведущ в философских учениях своего времени.

"Любителем наук" назван на надгробной стеле второй половины I в. до Р.Х. **Гелиодор** из Пантикапея (КБН. 125). В стихотворной надписи говорится о постигшем родителей горе: несчастная мать "...руками своими закрыла глаза двум сыновьям, не познавшим брака". Младший из них - восемнадцатилетний Гелиодор - любил науки, но его талант не успел расцвести. То ли эпидемическая болезнь, то ли трагический случай унесли в ад братьев.

Имя **Гекатей** - боспорского мудреца, вероятно, гражданина Пантикапея - известно благодаря найденной недалеко от Керчи стихотворной надписи на стеле второй половины I в. до Р.Х. (КБН. 121) [4]. В переводе текст звучит следующим образом: "Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты сам скорее избежал круга мучительных страданий". В Гекатее видят и скромного философа-самоучку, который благодаря врожденному уму сумел принять какие-то жизненно важные решения, и представителя религиозно-философского учения орфизма, обещающего своим последователям (и только им) блаженную жизнь после смерти. Издатель надписи Ю.Ю. Марти полагал, что Гекатей был ученым или философом, что он покончил с собой и тем самым обрел славу высшей мудрости не только словом, но и жизнью (КБН. С.119), с чем нам совсем не обязательно соглашаться. Д.В. Панченко считает, что постижение "священных решений" послужило Гекатее опорой для того, чтобы прожить жизнь так, как подобает мудрецу; он, Гекатей, выработал жизненный стиль, угодный богам и ими освященный (отсюда в эпитафии "священные решения", которые принял наш мудрец). Видимо, Гекатей не имел какого-то специального философского образования, но стал знаменит своей собственной мудростью и своими поступками. Фраза "избежал круга мучительных страданий" означает то, что Гекатей умер во цвете лет и избежал старческих мучений. Жаль, что мы никогда не узнаем, какими именно были выработанные жизнью и освященные богами решения Гекатея, что сделал он полезного для славивших его сограждан.

Эпитафия Гекатея, как и некоторые другие источники, относящиеся к переходной эпохе в истории Боспорского царства, каковой был рубеж эр, свидетельствуют о новых явлениях в духовной жизни эллинов, их повышенном интересе к личности, ее размышлениям и поступкам, нравственным качествам, заступам перед согражданами, отечеством, стремлении подчеркнуть то уважение и почет, которыми платят сограждане лучшим из своей среды. Внимание к внутреннему миру индивидуума и его общественной пользе - не короткая вспышка, оно стало традиционным, тем более, что в первые вв. по Р.Х. жизнь боспорян, как и жителей других северопонтийских государств, была тревожной, уповать приходилось в первую очередь на себя и собственные силы, на людей наиболее близких, особенно по духу. По-прежнему наряду с нравственными качествами высоко ценились ум, образование, занятия науками. В этом отношении наиболее показательна эпитафия **Стратоника** - боспорского мыслителя и писателя конца I - первой половины II в. по Р.Х. родом, скорее всего, из Пантикапея (КБН. 145). На верхнем рельефе стелы изображен Стратоник со свитком в левой руке, рядом на столике лежат еще четыре таких же свитка, слева от хозяина - слуга. На нижнем рельефе мы видим Стратоника вооруженным всадником и также фигурку слуги. Стихотворная эпитафия, составленная отпущенным на волю рабом Стратоника Сосием, гласит: "Хранивший разумность и славные нравы, погиб ты, Стратоник, доставив слезы печальному отцу. Божественный друг, причисленный к прежним великим людям, твою прелестную мудрость узнают из книг бесчисленные века". До нас не дошли книги боспорского ученого, но, судя по надписи, содержащиеся в них мысли были столь глубоки и ценны, что современники заслуженно причисляли их автора к "прежним великим людям" и считали, что труды его не будут забыты в веках. Выполняя воинский долг перед отечеством, Стратоник безвременно погиб. Вот почему на одном рельефе он изображен в гражданском одеянии со свитком своих книг, на другом - воином на коне. Высоко оценены нравственные качества Стратоника. Достоин внимания то, что он сумел разглядеть поэтический дар своего раба Сосия, счел необходимым дать ему литературное образование, отпустил на волю и сделал своим добрым другом [5].

В римское время особенно проявилось тяготение жителей государств Северного Причерноморья к теософии. Отсутствие стабильности, гарантии для нормального, спокойного течения жизни, полная зависимость человека от внешних по отношению к нему обстоятельств порождали беспокойство, страх, стремление спрятаться от окружающего мира и возложить заботу о себе на чужие плечи. Государство, гражданский коллектив стали слабой опорой. Взоры людей все чаще обращались к могущественным богам Востока, они казались более отзывчивыми к нуждам маленьких людей. В боспорских городах возникают культовые и профессиональные общества - синоды и фисасы, члены которых чаще всего почитали новых богов, особенно Бога высочайшего. Появились поклонники гностицизма - религиозно-философского учения, соединившего христианские догмы с греческой философией и восточными религиями. Взлет теософии и мистицизма не исключал, однако, и наличия людей, исповедовавших прагматические учения своего времени. В первой половине II в. по Р.Х. жил в Пантикапее врач-эмпирик **Авл Ситесий**. Род его занятий известен благодаря надгробной стеле из Керчи, украшенной рельефом с изображе-

нием мужчины, держащего в левой руке свиток, рядом с ним - алтарь, вокруг которого обвивается змея (КБН. 655). Под рельефом короткая надпись: "Авл Ситесий эмпирик, прощай". Эмпириками в Греции и Риме называли врачей - последователей философской школы скептиков, существовавшей в III в. до Р.Х. - III в. по Р.Х. Скептики отвергали догматы всех философских школ и говорили о недостаточности человеческого знания. В римское время поклонниками скептицизма в основном стали врачи, проповедовавшие невозможность определить причины болезней и считавшие необходимым лечить человека на основании лишь видимых симптомов болезни. Они были практиками и не стремились к философствованию.

Материалы из Северного Причерноморья, в частности из Пантикапея, расширяют наши знания о духовной жизни античных народов, их миропонимании и созидании, они подтверждают давно усвоенную нами мысль: в истории человечества едва ли не наиболее благоприятной для интеллектуальных занятий была античная эпоха.

Литература

1. Варнеке Б.В. Из культурной жизни греческих колоний на юге России // ЗООИД. - 1919. - Т.33. - С.22.
2. Русяева А.С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. - 1978. - № 1. - С.87 - 104; она же. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. - К., 1979. -С.73 - 91; она же. Милет - Дидимы - Борисфен - Ольвия // ВДИ. - 1986. - № 2. -С.25 - 64; она же. Религия и культы античной Ольвии. - К., 1992; Жмудь Л.Я. Орфические граффити из Ольвии // ЭАИКСП. - С.94 - 110; Макаров И.А. Орфизм и греческое общество в VI - IV вв. до н. э. // ВДИ. - 1999. - № 1. - С.8 - 19.
3. Спиридонов Д.С. Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли // ИТУАК. - 1918. - № 54. - С.216 - 233; Верлинский А.Л. К боспорской просопографии: стоик Сфер // ЭАИКСП. - С.146 - 177.
4. Панченко Д.В. Эпитафия Гекатея // ЭАИКСП. - С.28 - 42.
5. Блаватский В.Д. Рабство в античных государствах Северного Причерноморья // СА. - 1954. - Т. 20. - С. 51, 53.

Список сокращений

ВДИ	- Вестник древней истории
ЗООИД	- Записки Одесского Общества истории и древностей
ИТУАК	- Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБН	- Корпус боспорских надписей. - М.;Л., 1965.
СА	- Советская археология
ЭАИКСП	- Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. - СПб., 1992.